

Неэффективность противодействия коррупционной преступности в современной России

В. Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

В. В. ПОПОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье представлен развернутый анализ коррупции как социально-негативного явления, которое приобрело значительные масштабы и в настоящее время представляет угрозу национальной безопасности России. Доказано, что статистические показатели выявленных и раскрытых преступлений должностных лиц неполно отражают действительное количество совершаемых общественно опасных деяний коррупционного характера. Кроме этого, авторы критически оценивают методы проводимой политики по противодействию коррупционной преступности и полагают, что действенным средством борьбы с преступностью должностных лиц может выступать нравственное воспитание представителей российского общества и культ законопослушной личности.

Ключевые слова: коррупция; должностное преступление; детерминанты коррупционного поведения; меры по противодействию коррупционной преступности; нравственное воспитание.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The ineffectiveness of combating corruption crime in modern Russia

V. F. LAPSHIN – Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

V. V. POPOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor

Abstract

The article presents a detailed analysis of corruption as a socially negative phenomenon that has acquired significant proportions and currently poses a threat to the national security of Russia. It is proved that the statistical indicators of the revealed and solved crimes of officials do not fully reflect the actual number of committed socially dangerous acts of a corruption nature. In addition the authors critically evaluate the methods used by the anti-crime policy and believe that moral education of representatives of Russian society and the cult of the law-abiding person can be the real means of combating crime among officials.

Key words: corruption; malfeasance; the determinants of corrupt behavior; measures to counter corruption crime; moral education.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Содержание категории «коррупция» является многоплановым, включающим в себя столько видов и форм противоправных деяний, что ни одно из определений этого социального явления не может быть признано полным. Например, в соответствии с нормами современного международного права

коррупция определена как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп» [7, с. 100]. Предложенная международно-правовая дефиниция носит слишком общий и неопределенный характер, поскольку вполне может быть примени-

ма не только к так называемым «должностным преступлениям», но и к любым другим уголовно наказуемым деяниям, совершаемым представителем государственной власти из корыстных побуждений.

Официальное понятие коррупции содержится и в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции». Российский законодатель отказался от классической формулировки данной категории, отдав предпочтение перечислению наиболее распространенных и опасных форм коррупционных (преступных) проявлений, каковыми являются некоторые преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, если лицо, их совершающее, руководствуется корыстной мотивацией. Конечно же, представленный в действующем законодательстве перечень коррупционных преступлений не является исчерпывающим, и его вполне можно дополнить иными видами уголовно наказуемых посягательств. Но суть не в перечислении видов коррупционного поведения, а в определении истоков данного социального явления, условий его существования в обществе в современных условиях и выработке возможных мер противодействия коррупционному поведению граждан.

В современном российском обществе коррупция приобрела уголовно-политическое содержание: речь идет, прежде всего, о злоупотреблении представителями власти должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), их участии в предпринимательской деятельности с использованием своего должностного положения (ст. 289 УК РФ), нецелевом расходовании бюджетных средств и государственных внебюджетных фондов (ст. 285¹ и 285² УК РФ), получении взяток (ст. 290 УК РФ) и др. Масштабы «коррупционной зараженности» государственного аппарата таковы, что в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, коррупция объявлена в качестве одной из угроз безопасности современной России наряду с терроризмом, экстремизмом, наркоманией и экономической преступностью.

Можно сказать, что коррупция как социальное явление приспосабливается к любому времени и сама создает для себя условия, в отличие от других видов преступности. В этой связи закономерна положительная динамика выявленных и раскрытых

преступлений, совершаемых должностными лицами против интересов государственной и муниципальной службы. Чем больше государство усиливает противодействие коррупции, тем выше итоговые показатели выявленных преступлений коррупционного характера и лиц, привлеченных к ответственности за их совершение.

Объединенный год с 1 сентября 2015 г. по 31 августа 2016 г. признан годом коррупции по рекордному размеру выявленных взяток: средний размер взятки в России составил 809 158 руб. Для сравнения, в предыдущий такой же период этот показатель зафиксирован на уровне 613 718 руб. По числу получения взяток в 2016 г. Москва находится на первом месте (28 %), далее следует Московская область (5,6 %), чуть ниже цифры в остальных регионах страны – от 3,7 до 1,8 % [3].

Официальные статистические данные свидетельствуют о незначительном замедлении роста выявляемых коррупционных преступлений: если в 2012 г. их доля в общероссийском показателе преступности составляла 2,15 % (49 513 преступлений), то по итогам 2018 г. данный показатель снизился до 1,53 % (30 495 преступлений). Однако в соответствии с официальными заявлениями высших органов государственной власти данный факт еще не означает принципиального улучшения ситуации в области антикоррупционной деятельности, поскольку все преступления, относимые к данной группе, характеризуются высокой степенью латентности. Процент выявленных фактов взятничества как преступной деятельности обеих сторон (и взяткодателя, и взяткополучателя) по объективным причинам не может быть значительным по отношению к общему объему совершаемых преступных деяний [1, с. 94–96].

В связи со снижением количества зарегистрированных коррупционных преступлений, действительно, может создаваться впечатление, что борьба с коррупцией является успешной. Но есть и другой показатель, который свидетельствует об обратном: за последние несколько лет мы стали свидетелями беспрецедентного взятничества в высших органах государственной власти. Например, временно исполняющий обязанности начальника Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции Д. Захарченко был задержан по подозрению в получении взяток на сумму 8,5 млрд руб.; представитель правительства Челябинска

О. Вахтерев обвиняется в хищении из бюджета 36 млн руб.; министр Забайкальского края Г. Рева уличен правоохранными органами в злоупотреблениях должностными полномочиями, в результате чего был причинен вред на сумму 850 тыс. руб.; губернатор Кировской области Н. Белых задержан при получении денежных средств на общую сумму 400 тыс. евро и др. [4].

Можно предположить, что выявленные преступления представляют собой довольно незначительную часть всех преступлений, совершенных на территории нашего государства. Это подтверждается результатами независимого социологического исследования, опубликованного Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки». В частности, по результатам борьбы с коррупцией за 2015–2016 гг. отмечается усиление влияния на правоохранные и судебные органы представителей организованных преступных групп, в том числе сформированных по национальным и этническим признакам, а также представителей крупного бизнеса, государственных монополий. Целью руководства последних является обеспечение возможностей для беспрепятственного незаконного хищения капиталов из государственных монополий [3].

Реальность существования проблемы противодействия коррупции в нашей стране подтверждается данными международных независимых исследований. Так, ежегодно устанавливаемый международным антикоррупционным движением «Transparency International» индекс восприятия коррупции среди стран мирового сообщества указывает, что принципиально ситуация в области противодействия коррупции в России не меняется. Россия стабильно занимает места в нижней части рейтинга наряду с развивающимися странами третьего мира.

Анализ нормативной антикоррупционной базы федерального, регионального и местного уровней позволяет признать ее состояние удовлетворительным. И уголовное законодательство, и законодательство иных отраслей российской системы права содержат ряд достаточно эффективных мер, применяемых в отношении виновных в коррупционном поведении граждан. В настоящее время Россия осуществляет международное сотрудничество с представителями международного сообщества в области противодействия коррупции. Это обеспечивает единую государственную политику и создание механизма взаимо-

действия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по данным вопросам. В указанных нормативно-правовых актах обращается внимание на обеспечение доступа граждан к информации о деятельности представителей государственных и муниципальных органов власти, установлена ответственность за неправомерное вмешательство в деятельность судов и средств массовой информации с целью подорвать их независимость, устранение неоправданно созданных запретов и административных препятствий для осуществления экономической деятельности.

Полагаем, что основным правовым средством противодействия коррупции должен быть Уголовный кодекс Российской Федерации при условии применения его положений с соблюдением конституционных принципов законности и равенства всех перед законом. Помимо составов преступлений, предусматривающих ответственность за получение и дачу взятки, определенных ст. 290, 291, 291¹ и 291² УК РФ, важную предупредительную роль должны играть и некоторые другие уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), незаконные сделки с землей (ст. 170 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ) и др. Следует обратить внимание на значительную общественную опасность такого преступления, как вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), которое в ряде случаев тоже имеет коррупционный характер. Несмотря на то что основным объектом состава преступления выступают отношения в области отправления правосудия в Российской Федерации, интересы государственной службы в судебной системе здесь неизбежно нарушаются. Данное обстоятельство является дополнительным свидетельством высокой общественной и коррупционной опасности как указанного преступления, так и иных видов посягательства на интересы правосудия.

При формировании уголовно-правовых норм об ответственности за нецелевое использование бюджетных средств законодатель несправедливо, на наш взгляд, не предусмотрел повышенную ответственность за это преступление высокопоставленных должностных лиц государственного уровня по примеру ст. 285 УК РФ [5, с. 19–20]. Именно у этих субъектов имеются

наибольшие возможности для незаконного перераспределения бюджетных средств на значительные суммы, исчисляемые сотнями миллионов рублей. В связи с коррупционными связями и стремлением удержаться у власти региональные руководители в недавнем прошлом давали разрешения на отчуждение: продажу по заниженным ценам или передачу в бессрочное пользование представителям высокопоставленных лиц государственного уровня промышленных предприятий, земельных участков, площади которых составляют десятки и сотни гектаров, и др. Данные факты продолжают иметь место и по сей день, однако привлечение виновных лиц к ответственности или вообще не происходит, или осуществляется на либеральных началах.

К сожалению, механизмы защиты коррупционера и его ухода от заслуженного наказания содержатся в самых различных нормативных актах, включая Конституцию Российской Федерации, которая, например, провозглашает принцип равенства граждан перед законом, но параллельно предусматривает и крайне сложные процедуры привлечения к юридической ответственности лиц, занимающих руководящие должности в высших органах государственной власти, силовых министерствах и ведомствах (ст. 98, 122). Дублирование и развернутая регламентация данных конституционных положений содержатся в специальных нормах действующего уголовно-процессуального законодательства. Данные юридические барьеры [6, с. 43–45] при прочих равных условиях гарантируют значительной группе государственных чиновников безнаказанность за совершение посягательств на интересы службы и причинение существенного вреда личности, обществу и (или) государству.

В сложившейся ситуации невольно возникает вопрос о расширении на уровне уголовного законодательства возможностей граждан защищать свои права и законные интересы, в том числе и от коррупционных посягательств со стороны представителей власти. Данная идея высказывалась авторитетными правоведами еще в начале прошлого столетия. Так, А. Ф. Кони неоднократно поднимал вопрос об узаконении физического сопротивления гражданина в ответ на явно противоправные действия со стороны представителей власти [10, с. 299]. Его коллега – немецкий ученый-правовед Людвиг фон Ягеман – по этому поводу категорично заявлял о недопустимости необходимой обороны, направленной в отношении представителей

государственных органов власти, поскольку в противном случае это способно привести к полной дискредитации власти и уничтожению государства [9, с. 157].

К сожалению, коррупционные действия должностных лиц, сопряженные с применением насилия к потерпевшему, по оценкам специалистов, перестали являться редкостью. Но, несмотря на это, Л. Ягеман был прав, утверждая, что следующим шагом после узаконения физического насилия в отношении представителя власти является легитимность революции. Как бы ни была привлекательна данная идея, оправдание насилия в отношении государственного служащего практически во всех случаях будет успешно использоваться представителями криминальных структур для противодействия правоохранительной деятельности, а охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности фактически сведутся до уровня профилактических бесед и рассылки предупреждений о недопущении противоправных действий. Это связано с практической невозможностью доказать правомерность действий представителей власти, поскольку свидетелями в подавляющем большинстве случаев будут являться лица, применившие к ним физическую силу якобы на основании норм института необходимой обороны. Поддерживая мнение о недопустимости правомерности насилия в отношении должностного лица, С. В. Познышев писал, что авторитет власти страдает гораздо больше от обнародования фактов произвола чиновника, на которые государству необходимо незамедлительно реагировать, чтобы сохранить веру и уважение граждан [9, с. 157–158].

Проблему коррупции не решить за счет расширения пределов действия норм о необходимой обороне. К настоящему времени высшими органами государственной власти разработан комплекс социальных, экономических и правовых антикоррупционных мер, ранее неизвестных отечественному законодательству. Например, органы прокуратуры обеспечивают организацию и в ряде случаев проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов, принимаемых представителями федеральной, региональной и местной власти. На ведомственном уровне осуществляется работа по расширению компетенции коллективных органов управления с одновременным сокращением полномочий единоначальных органов в принятии решений, особенно в части использования бюджетных денежных средств.

В то же время ни качественные законы, ни комплексные программы, ни значительное количество уголовных дел, возбуждаемых по фактам коррупционного поведения чиновников, по нашему мнению, сами по себе не приведут к желаемому результату искоренения коррумпированности государственного аппарата и органов местного самоуправления. Обращая на это внимание, И. И. Крапец небезосновательно указывал на политическую безнравственность как на основную причину распространения, а в ряде случаев и оправдания коррупции в органах власти. Этот вид безнравственности достаточно быстро приводит к навязыванию обществу псевдоценностей, что впоследствии приводит к поощрению любых видов преступного поведения. Поэтому надлежащее нравственное воспитание индивида, привитие чувства уважения к общественным ценностям являются основой законопослушного поведения на протяжении всей жизни человека [2, с. 355–358].

Ошибочность государственной антикоррупционной политики нам видится в том, что она ориентирована на получение сиюминутных результатов: резонансные коррупционные скандалы, увеличение количества уголовных дел по коррупционным преступлениям, увеличение количества лиц, осужденных за совершение должностных преступлений, реформирование государственных структур, ротация руководителей территориальных и местных правоохранительных органов и др. Конечно, все эти меры небезрезультативны, но, по сути, они представляют собой борьбу со следствием, а не с причиной коррупционной зараженности. Поэтому можно усомниться в состоятельности данных подходов к решению проблемы искоренения коррупции в российском обществе.

Сделать общество более нравственным – это та задача, которая должна быть решена современным Российским государством. На ее решение уйдет значительное

время, но других вариантов искоренить коррупционную преступность или добиться существенного сокращения ее масштабов нет. Достижение этого, на наш взгляд, обеспечивается только путем целенаправленного правового воспитания человека начиная с раннего возраста. Правовая культура должна рассматриваться не иначе как составная часть общей культуры человека, основа определения вариантов поведения в обществе. Правосознание и правовая культура индивида должны охватывать не только знание о наличии правовых запретов, правил поведения в обществе. Они же должны определять уважение к окружающим, недопустимость причинения вреда и получения материальных выгод вследствие причинения имущественного ущерба государству, третьим лицам, обязательность справедливого отношения к окружающим независимо от своих личных интересов. Нужно добиться адекватного негативного отношения граждан к правонарушителям, независимо от их материального состояния и социального положения.

Успешное решение всех перечисленных задач позволит говорить о формировании принципиально нового общественного правосознания. Г. В. Плеханов считал, что влияние на «социальную психику», то есть на массовое сознание населения, приводит в итоге к формированию комплекса средств, которые определяют дальнейшее развитие и судьбу нации (государства) [8, с. 644]. Современная российская антикоррупционная политика до настоящего времени не оказала существенного влияния на общественное сознание, поскольку коррупция продолжает восприниматься в качестве явления, традиционно сопутствующего деятельности органов власти и управления. В условиях, когда население страны видит лишь обреченность попыток противодействия коррупции и занимает позицию социального приспособления, на эффективность антикоррупционной деятельности рассчитывать не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букалерева Л. А., Полукаров А. В. Детерминация коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4. С. 94–103.
2. Крапец И. И. Преступность: иллюзии и реальность // Право и власть. Человек, право и государство. Человек, закон и правосудие. М., 1990. С. 355–382.
3. Коррупция в России : независимый годовой доклад Всерос. антикоррупц. обществ. приемной «Чистые руки» (1 сентября 2015 г. – 31 августа 2016 г.). URL: http://moygorod-online.ru/netcat_files/userfiles/57/doklad-21-09-2016.pdf (дата обращения: 20.04.2019).
4. Коррупция в РФ. 2016. Инфографика. URL: http://rapsinews.ru/incident_mm/20170102/277462398.html (дата обращения: 20.04.2019).
5. Лапшин В. Ф. Соотношение финансовых преступлений и деяний, предусмотренных ст. 285¹, 285² УК РФ // Рос. следователь. 2008. № 23. С. 19–22.
6. Лапшин В. Ф. Уголовно-правовая норма: парадокс законодательной техники, политическая мода или скрытая защита коррупционера? // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 41–45.

7. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы (тезисы доклада) // Гос-во и право. 2000. № 4. С. 99–111.
8. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. 847 с.
9. Позднышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. 668 с.
10. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. 608 с.

REFERENCES

1. Bukalerova L. A., Polukarov A. V. Determinaciya korrupcionnyh prestuplenij v sfere zdavoohraneniya [Determination of corruption crimes in the sphere of public health]. Kriminol. zhurn. Bajkal. gos. un-ta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013. Iss. 4. Pp. 94–103. (In Russ.).
2. Karpec I. I. Prestupnost': illyuzii i real'nost' [Crime: Illusions and Reality]. Pravo i vlast'. CHelovek, pravo i gosudarstvo. CHelovek, zakon i pravosudie – Right and power. Person, law and state. Person, law and justice. Moscow, 1990. Pp. 355–382. (In Russ.).
3. Korrupciya v Rossii : nezavisimyj godovoj doklad Vseros. antikorrupc. obshchestv. priemnoj «CHistye ruki» (1 sentyabrya 2015 g. – 31 avgusta 2016 g.) [Corruption in Russia : Independent Annual Report of the All-Russian Anti-Corruption Public Reception «Clean Hands» (September 1, 2015 – August 31, 2016)]. Available at: http://moygorod-online.ru/netcat_files/userfiles/57/doklad-21-09-2016.pdf (accessed 20.04.2019). (In Russ.).
4. Korrupciya v RF. 2016. Infografika [Corruption in the Russian Federation. 2016. Infographics]. Available at: http://rapsinews.ru/incident_mm/20170102/277462398.html (accessed 20.04.2019). (In Russ.).
5. Lapshin V. F. Sootnoshenie finansovyh prestuplenij i deyanij, predusmotrennyh st. 285¹, 285² UK RF [The correlation of financial crimes and acts stipulated in articles 285¹, 285² of the Criminal Code of the Russian Federation]. Ros. sledovatel' – Russian investigator. 2008. Iss. 23. Pp. 19–22. (In Russ.).
6. Ugolovno-pravovaya norma: paradoks zakonodatel'noj tekhniki, politicheskaya moda ili skrytaya zashchita korrupcionera? [The criminal law norm: the paradox of the legislative technique, the political fashion or the hidden protection of the corrupt?]. Ros. yusticiya – Russian justice. 2009. Iss. 2. Pp. 41–45. (In Russ.).
7. Luneev V. V. Korrupciya: politicheskie, ekonomicheskie, organizacionnye i pravovye problemy (tezisy doklada) [Corruption: political, economic, organizational and legal issues (report thesis)]. Gos-vo i pravo – State and law. 2000. Iss. 4. Pp. 99–111. (In Russ.).
8. Plekhanov G. V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]. Moscow, 1956. Vol. 1. 847 p. (In Russ.).
9. Pozdnyshch S. V. Osnovnye nachala nauki ugovalnogo prava. Obshchaya chast' ugovalnogo prava [Basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law]. Moscow, 1912. 668 p. (In Russ.).
10. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' : ucheb. / pod red. V. N. Petrasheva [Criminal law. General part : textbook : ed. by V. N. Petrashev]. Moscow, 1999. 608 p. (In Russ.).